

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

КРЕМЛЕВСКИЙ

ТУЗ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Руки вверх, генерал!

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Руки вверх, генерал! / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Она очень хотела встретиться с Гуровым. Видно собиралась сообщить ему что то очень важное. Он был занят – даже для нее, жены генерала, времени у него как назло тогда не нашлось. А она вскоре погибла. Стала жертвой маньяка, как кое-кто поспешил объявить. Но Гуров знал: маньяк тут ни при чем. Женщину убили потому, что ей стал известен какой-то секрет генеральского клана. Насчет торговли оружием? Возможно...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Николай Иванович Леонов Алексей Викторович Макеев Руки вверх, генерал!

Глава 1

Затрещал телефон. Привычным движением он снял трубку, заученно произнес:

– Полковник Гуров слушает! – И тут же услышал в ответ насмешливый голос жены:

– Говорит заслуженная артистка Строева! Могу я обратиться к господину полковнику?

Гуров усмехнулся, зачем-то переложил трубку в другую руку.

– Что случилось, дорогая? – спросил он. – И перестань называть меня господином полковником – у меня после таких слов невольно возникает впечатление, будто я напрочь лишен личной жизни.

– У меня такое впечатление возникло с первого дня нашего знакомства, – заявила Мария. – Именно по этому поводу я и звоню – сообразил наконец? Или ты позабыл наш утренний разговор?

– Ну что ты! – с преувеличенным возмущением откликнулся Гуров. – Я все отлично помню – ваш театр открывает новый сезон, и я обещал быть сегодня на первом представлении, дабы по окончании спектакля спасти тебя от преследований пришедших в экстаз поклонников. Я все прекрасно помню!.. Даже то, что с моей стороны имелась одна существенная оговорка – в случае непредвиденных обстоятельств я оставляю за собой право отказа от всех обещаний. . .

– Поэтому я и звоню, – перебила его Мария. – Чтобы уточнить, не появились ли такие обстоятельства. . . Честно говоря, несмотря на долгий и печальный опыт нашей семейной жизни, я не теряю надежды, что когда-нибудь мы все-таки станем образцовой супружеской парой. . .

– По-моему, мы давно уже образцовая пара! – бодро сказал Гуров. – Пускай кто-нибудь попробует доказать обратное! Но я тебя понял – можешь быть уверена, что вечером я непременно появлюсь в театре. . . Можешь быть уверена процентов эдак на девяносто девять. . . – тут же уточнил он.

– Значит, лазейку ты себе все-таки оставил? – зловеще произнесла Мария.

– Всего один процент! – беззаботно воскликнул Гуров. – Обычные меры предосторожности. Ты же знаешь, наша служба и опасна, и трудна. . . Вот, например, Стас. . .

– А что Стас? – быстро спросила Мария. – Я рассчитывала, что ты и его захватишь с собой. У меня договоренность с руководством на два места. . .

– Я помню, – сказал Гуров. – Просто Стас пока отсутствует. Наше руководство тоже нашло ему подходящее место. Усилило им следственную бригаду, которая занимается «сезонным убийцей». Сейчас Стас выехал на место преступления.

– «Сезонный убийца»? – вырвалось у Марии. – Господи! Это что еще за ужасы? Кажется, ты об этом не рассказывал?

– Нам самим не все понятно, – неохотно признался Гуров. – Дело в том, что с некоторых пор какой-то выродок совершает убийства женщин в пригородных лесах. Особенность в том, что активность его возрастает, как правило, в начале осени. Он, как и вы, актеры, открывает свой «сезон». . . В чем причина такой временной избирательности, пока не ясно. Но вообще-то этим делом занимаются МУР и прокуратура. Стасу предложили включиться только сегодня – в качестве консультанта, что ли. . .

– Неужели?.. – дрогнувшим голосом произнесла Мария.

– Да, сегодня совершено еще одно убийство, – сказал Гуров. – Первое в этом сезоне, так сказать... Но не будем о грустном. К сожалению, этот мир создавали не мы. Единственное утешение, что меня-то в консультанты не позвали. Впрочем, думаю, что и Стас скоро вернется... Так что можно считать – пока все идет как надо. Вот и рабочий день перевалил через экватор – у меня ничего серьезного не намечается. И можно надеяться, что теория вероятностей работает. Девяносто девять против одного...

– Ну ты меня уговорил, Гуров! – шутливо сказала Мария. – Пойду готовиться к спектаклю. Целую тебя!

– И я тебя целую! – нежно проговорил Гуров.

В трубке уже раздавались гудки. Гуров задумчиво улыбнулся и осторожно положил ее на рычаг. Да, Мария, в сущности, права – союз известной артистки и старшего оперуполномоченного вряд ли может служить образцом – вместе им приходится бывать гораздо реже, чем обоим того хотелось. Зачастую Гуров читал в глазах знакомых недоуменный и ехидный вопрос, который можно было бы озвучить примерно так: «Как, вы еще не разбежались?!» Но поскольку вслух никто его не произносил, Гуров тоже помалкивал. Влюбленные не разбегаются. И ему было достаточно, что этот секрет знали только они двое.

Гуров поднялся из-за стола и подошел к окну. Если не смотреть на календарь, то запросто можно было бы забыть, что на дворе осень. Зелень на бульварах была по-летнему яркой и сочной, солнце светило вовсю. Пожалуй, было даже жарковато. Менее щепетильные, чем Гуров, мужчины предпочитали появляться на улице без пиджака и галстука, с закатанными рукавами рубашек.

Тем не менее осень началась – это было неоспоримо. «Сезонный убийца» начал охоту. В соответствии со своими людоедскими, одному ему понятными правилами.

Он действовал в подмосковных лесах уже третью осень. Два года назад было зафиксировано два убийства. В прошлом году – целых шесть. Третья осень только начиналась.

Видимо, наверху всерьез забеспокоились – не случайно на этот раз вспомнили про Гурова и Крячко. Правда, пока решили ограничиться привлечением к делу одного Стаса – неизвестно, надолго ли – серийные убийцы не их профиль.

Многолетняя работа в правоохранительных органах, казалось, начисто избавила Гурова от брезгливости. Но к одной категории преступников он до сих пор испытывал сильнейшее и непреодолимое отвращение – ко всякого рода насильникам и маньякам, существам, которым он внутренне отказывал в принадлежности к роду человеческому. Для него они не были обычными преступниками – они были призраками, без спроса явившимися в этот мир из кровавых кошмаров. По мнению Гурова, существования этих выродков ничем нельзя было оправдать, и они заслуживали только одного – безусловного и немедленного уничтожения. По этой причине он старался держаться подальше от подобных дел – боялся, что при столкновении с насильником просто не сумеет сдержаться. Стас смотрел на это гораздо проще.

Телефон опять зазвонил. Гуров вернулся к столу и снял трубку. Это оказался Крячко – как говорится, легок на помине.

– Ты откуда? – спросил Гуров. – Уже освободился? Кстати, только что звонила Мария – про тебя вспоминала. Нас с тобой ждут сегодня в театре – ты не забыл?

– Честно говоря, забыл, Лева, – со вздохом сказал Стас. – Мы тут еще не закончили... А позвонил я тебе... – Он запнулся, будто подыскивая слова. – В общем, после осмотра трупа мне показалось, что я уже встречался с этой женщиной. Яблоко и перец – помнишь?

Гуров поднял брови. Он сразу понял, о чем говорит Крячко, но предпочел усомниться.

– Прости, но это как в пословице, – сказал он. – В огороде бузина, а в Киеве дядька... При чем тут это? Конечно, каждая женщина старается быть оригинальной, но не до такой же степени, чтобы иметь персональную марку духов!.. Почему ты полагаешь, что это обязательно та самая женщина?

Крячко ответил не сразу, и в его голосе странным образом звучали смущение и настойчивость одновременно.

– Мне кажется, что эту женщину я уже видел, – сказал он.

– Ну и что же дальше? – спросил Гуров.

– Мне хотелось, чтобы ты тоже приехал сюда, – сказал Крячко. – Здесь есть над чем подумать.

– Не сомневаюсь, – ответил Гуров. – А кроме меня, там некому подумать?

– Лева, но ведь если речь идет о той женщине, – почти взмолился Крячко, – значит, мы с тобой просто обязаны этим заняться!

Гуров немного помолчал и спросил:

– Куда мне нужно подъезжать?

– Знаешь что? – обрадованно зачастил Крячко. – Ты подъезжай по Ярославскому шоссе до поворота на улицу Проходчиков – а я тебя встречу. Там совсем рядом. Просто чтобы ты по зарослям не плутал... Но я уверен, что тебе необходимо на все это взглянуть. У меня предчувствие, что это та самая женщина!

– Да верю я, верю! – с некоторой досадой ответил Гуров. – Предчувствие у нашего брата – это всегда серьезно. Вот и у меня сейчас появилось предчувствие, что в театр мы с тобой сегодня уже не попадем! Это тоже серьезно – дальше некуда.

– Ну, напрасно ты так! – фальшиво сказал Крячко. – Ты только взглянешь – и все!

Закончив разговор, Гуров беспомощно посмотрел на телефон и подумал, не стоит ли на всякий случай предупредить Марию о возможной задержке. Но потом малодушно махнул рукой и отправился на Лосиный остров.

Глава 2

Яблоко и перец – авторство этой кодировки принадлежало лично Станиславу Крячко. Ничего особенного это словосочетание не означало – просто Стас, не слишком искусственный в парфюмерных секретах, зафиксировал подобным образом в памяти аромат незнакомых духов. Поскольку о женщине, отдававшей предпочтение именно этому аромату, ничего больше не было известно, слова «яблоко и перец» стали чем-то вроде псевдонима, который Гуров и Крячко употребляли для удобства в разговоре.

Нельзя сказать, чтобы они слишком часто вспоминали о той женщине. Если откровенно, то Гуров давно выбросил ее из головы, посчитав тот инцидент чьей-то не слишком удачной шуткой. До сегодняшнего дня у него не было никаких поводов вспоминать ее.

Теперь, ведя свой «Пежо» через Москву в сторону Лосиногостовского острова, Гуров снова возвращался к событиям двухнедельной давности, стараясь отыскать в памяти хотя бы незначительный намек, хотя бы малейшее предвестие будущей катастрофы. Правда, вспоминать ему было особенно нечего, да и событиями это происшествие можно было назвать с большой натяжкой. Потому и в катастрофу Гурову не очень верилось.

Однако же он почему-то ехал сейчас через всю Москву и терзал свою память, пытаясь понять, где он допустил ошибку, и все потому, что знал – его друг и напарник полковник Крячко любил порой разыгрывать роль шута, представляясь человеком легкомысленным и недалеким, но на самом деле он был далеко не прост и вовсе не был склонен к пустым фантазиям. От его мнения Гуров не мог отмахнуться.

Две недели назад все тоже началось с Крячко. Гуров ходил утром с докладом к генералу, а когда вернулся, Крячко, многозначительно подмигивая, сообщил ему:

– Пока ты трепался со стариком, тебе звонила такая штучка!

– Какая штучка? – не понял Гуров.

– Прекрасная незнакомка, – уточнил Крячко. – Честно говоря, ума не приложу, откуда посторонняя дамочка узнала наш телефон, но тем не менее она звонила и спрашивала тебя...

– Ну, насчет телефона как раз ничего удивительного, – поморщился Гуров. – В наше время, кажется, не осталось уже никаких тайн. Думаю, что при желании любой может узнать номер кодового замка в сейфе у генерала, а не то что наш с тобой телефон... Меня больше удивляет, как ты определил, что эта незнакомка именно прекрасная...

– Незнакомки всегда прекрасны, – убежденно заявил Крячко. – А потом, у нее такой голос... – он картинно закатил глаза.

– И что же она хотела? – поинтересовался Гуров.

– Она добивалась встречи! – объяснил Крячко. – Лично с полковником Гуровым.

– А в чем, собственно, дело? Зачем ей со мной встречаться – она что-нибудь объяснила?

И, кстати, кто она такая? – спросил Гуров.

– Незнакомка, я же сказал. Если бы она представилась как-то иначе, разве бы я не просветил тебя? Но она предпочла сохранить инкогнито. Сказала только, что дело у нее необыкновенно важное и по телефону обсуждению не подлежит.

– Звучит интригующе, – заметил Гуров. – И что же ты ей пообещал?

– Предложил перезвонить. Но она отказалась и выдвинула ультиматум – или ты являешься в назначенное место, или на этом все заканчивается.

– А вот это мне уже не нравится, – сказал Гуров. – Смахивает на шантаж, тебе не кажется?

– Ну, это ты загнул! – горячо возразил Крячко. – Совсем другой случай. У шантажистов не бывает такого милого голоса... Короче, тебе решать – идешь ты на свидание или нет?

– Она назначила место? – с любопытством спросил Гуров.

– И место, и время, – кивнул Крячко. – Сегодня в десять вечера у памятника Маяковскому.

– Ну, начать с того, что сегодня у меня совсем другие планы... – протянул Гуров. – Да и, честно говоря, предложение твоей незнакомки меня не очень вдохновляет. Мне видится во всем этом какой-то подвох. Не исключено, что у этой дамы муж или любовник находятся под следствием – или еще что-нибудь в этом роде...

– Боишься, что дело пахнет подкупом должностного лица? – осведомился Крячко.

– Не боюсь, – уточнил Гуров. – Но тащиться ночью к памятнику, чтобы сказать «нет», – непродуктивная трата времени, ты не находишь?

– А если это действительно что-то серьезное? – сказал Крячко. – Мне показалось, что эта женщина очень взволнована.

Гуров пожал плечами:

– Люди с недобрыми намерениями тоже часто бывают взволнованы. Но в любом случае, думаю, эта женщина сумеет найти более подходящий способ вступить с нами в контакт.

– А если не сумеет?

– Ну хорошо – что ты предлагаешь? – недовольно спросил Гуров. – Лично я предпочитаю выждать.

– Наверное, ты прав, – неохотно заметил Крячко. – Но на твоём месте я все-таки сходил бы...

– Вот и сходи, – сказал Гуров. – В конце концов, ты моя правая рука. Если у твоей незнакомки проблемы, а не личная заинтересованность, какая разница, кому исповедаться?

– Ну, разница все-таки есть, – ухмыльнулся Крячко. – Слух обо мне еще не прошел по всей Руси великой... А полковник Гуров – это фигура, заслуживающая безусловного доверия, не так ли? Да и вообще, женщине приятнее общаться с таким джентльменом, как ты, а не со скромным трудягой...

– А у тебя еще вагон времени, – хладнокровно заметил Гуров. – До десяти вечера ты вполне можешь сменить линялую ковбойку на приличный костюм и даже повязать галстук.

– На мне этот галстук как на корове седло, – притворно вздохнул Крячко. – Природный шарм ничем не заменишь... Ну ладно! Придется сегодня побыть джентльменом. Знала бы эта женщина, у кого вздумала просить помощи! У тебя же ледяное сердце!

– Зато у тебя оно горячее, – посмеиваясь, сказал Гуров. – Думаю, незнакомка не разочаруется...

Однако на следующее утро Гурову пришлось убедиться, что он ошибся – замена незнакомке не удовлетворила, и ее встреча с Крячко закончилась ничем. Ничего страшного не произошло, и Гуров по-прежнему не испытывал никакого любопытства к проблемам абсолютно постороннего ему человека, но досада тем не менее осталась, как это всегда бывало, когда ему случалось ошибаться в прогнозах.

Стас переживал гораздо больше, хотя старался особенно этого не показывать. Гурову показалось, что Крячко слишком много ждал от встречи с загадочной женщиной. Скорее всего, так оно и было, но рассказывал Крячко о встрече в обычной своей манере – с шутками и прибаутками.

– Ты не поверишь, но я вчера превзошел самого себя! – с гордостью сообщил он. – Даже в парикмахерскую сходил!

Гуров присмотрелся – Стас действительно был аккуратно пострижен, хотя об этой процедуре вчера не было сказано ни слова.

– Старался не ударить в грязь лицом, – солидно подтвердил Крячко. – Пусть, думаю, знают нашего брата! Костюмчик, галстук – все как положено. Ты бы меня не узнал. У меня было такое ощущение, что вся Москва только на меня и пялится... А куда деваться? Подумал: а вдруг придется в ресторан зайти...

– А у тебя, оказывается, свои планы имелись! – удивленно заметил Гуров. – Насчет незнакомки... Видно, большое впечатление произвел на тебя ее голосок!

– Какие уж у меня планы! – махнул рукой Крячко. – На меня теперь даже бабушки на скамеечках не заглядываются... Но голосок у этой красотки действительно приятный... Жаль, ты не пошел – разговорить ее у меня так и не получилось... И галстук не помог. По-моему, роль этого предмета сильно преувеличена... Больше я на эту удочку не попадусь ни за что!

Гуров внимательно посмотрел на друга. Крячко и правда был без галстука, однако привычную ковбойку сменил сегодня на белую рубашку.

– Значит, встретились и разбежались? – спросил Гуров. – Чего же она от нас хотела?

– От тебя, – уточнил Крячко. – Хотя готов поклясться, эта дамочка даже не знает, как ты выглядишь. Но в голове у нее наверняка сложился некий лучезарный образ, потому что, увидев меня, она как-то сразу опечалилась.

– Расскажи-ка все по порядку, – попросил Гуров. – А то у тебя какая-то чепуха получается.

– Так оно так и было, – пожал плечами Крячко. – Я же говорю, тебе идти надо было... А по порядку было так: без пятнадцати десять я уже крутился вокруг памятника великому пролетарскому поэту. Ну, сам понимаешь, вечерние огни, влюбленные пары... В такой обстановке за версту можно было угадать, что я мент. Я торчал там как инородное тело ровно до десяти. Похоже, эта женщина наблюдала за мной со стороны, потому что ровно в десять она подошла и спросила, не Гуров ли я...

– И что ты ей ответил?

– Разумеется, правду! – возмущенно сказал Крячко. – Во-первых, надо знать, когда можно врать, а во-вторых, у меня просто язык не повернулся выдать себя за гения отечественного сыска...

– Хватит трепаться! – попросил Гуров. – Как эта женщина выглядела?

– Неплохо выглядела, – ответил Крячко. – Невысокого роста, стройная, с платиновым париком на голове. Про лицо ничего не скажу – мы стояли в плохо освещенном месте, – кажется, она специально такое выбрала. По-моему, ей очень не хотелось быть узнаваемой. И пахло от нее как-то необычно... Пожалуй, это был запах яблок и перца – вот такое сочетание! Духи или туалетная вода – я не разбираюсь. Но уверен, если придется, я этот запах сразу узнаю.

– Поздравляю! – с иронией сказал Гуров. – В случае необходимости всего-то и придется обнюхать несколько миллионов московских женщин!

– В принципе, я не отказался бы от такого задания, – вздохнул Крячко. – Ты подумай, может, мне действительно этим заняться? Ведь птичка улетела!

– Так ничего и не сказав?

– Практически ничего. Когда она узнала, что я всего-навсего полковник Крячко, то наотрез отказалась от разговора. Замотала головой, выпалила: «С вами я разговаривать не буду!» – и пошла прочь. Она очень нервничала, поверь мне.

– И ты не пытался ее остановить?

– Пытался, – признался Крячко. – Но тут она совсем перепугалась и бросилась от меня сломя голову. На нас стали обращать внимание. Какой-то здоровяк даже рискнул вмешаться, а пока мы с ним разбирались, женщина спустилась в метро, и больше я ее не видел. Вот такие дела.

Гуров нахмурился и задумчиво побарабанил пальцами по столу.

– Ладно! Что выросло, то выросло! – сказал он наконец. – Жизнь покажет. Если у этой женщины действительно есть к нам дело, она появится снова. Не стоит забивать голову чужими проблемами. Своих хватает.

На том и порешили. Вскоре странный эпизод окончательно вылетел у Гурова из головы, и, если бы Крячко не вспомнил сегодня про яблоко и перец, все случившееся можно было бы

зачислить в разряд неудачных розыгрышей. Гуров и сейчас был почти уверен, что то неудачное свидание и сегодняшнее убийство никак не связаны между собой, но отчего-то на душе у него было слишком беспокойно.

Зеленую кромку лесопарка Гуров увидел уже издалека, когда сворачивал с шоссе. И почти сразу заметил потрепанный «Мерседес» Крячко, стоявший на углу жилого квартала. Стас, давно вернувшийся к линялым ковбойкам и вытертым джинсам, с сигаретой в зубах прохаживался возле машины, нетерпеливо поглядывая по сторонам.

Гуров подъехал к нему и, не глуша мотор, махнул рукой. Крячко быстро уселся на переднее сиденье и сообщил:

– Тут совсем рядом. Давай вперед, потом налево – а там сам увидишь... Группа как раз работу закончила. Но труп еще на месте.

Глава 3

На краю небольшой поляны разместился целый автопарк – «Волга», «Жигули», милицкий «УАЗ», белый фургон с красным крестом. Возле машин скучали водители – никого из должностных лиц не было видно.

– Тут соснячок есть, – сообщил Крячко, обходя кусты. – Чуть подальше. Там она и лежит...

Гуров не ответил. Он неторопливо шел следом за Крячко, внимательно поглядывая по сторонам. Вокруг мирно шелестела листва молодых осин, хрустели под ногами сухие ветки. Сквозь кроны деревьев пробивались теплые лучи послеполуденного солнца. Трудно было представить, что где-то в двух шагах отсюда лежит труп.

Как и обещал Крячко, вскоре они оказались среди тощих, рядами посаженных сосен. Землю здесь покрывал мягкий ковер из порыжевшей хвои. Солнце, клонящееся к западу, било прямо в глаза. Между соснами стояла группа людей – человек десять, – они молча наблюдали, как приближаются Гуров и Крячко.

Гуров узнал следователя Мышкина из прокуратуры и майора Толубеева из МУРа – им было доверено вести дело о «сезонном убийце», и с этих самых пор на лицах у обоих словно застыло напряженное безрадостное выражение. Кроме неприятностей, это дело пока ничего им не сулило.

Были здесь еще члены следственной группы, судмедэксперт, санитары с равнодушными лицами и двое незнакомых Гурову людей в милицеской форме – видимо, из местного отделения внутренних дел.

Толубеев, румяный здоровяк с курчавыми, коротко стриженными волосами, сам шагнул Гурову навстречу, и они пожали друг другу руки. С остальными Гуров поздоровался кивком и сразу переключил внимание на женское тело, неподвижно лежавшее рядом на грубых носилках. Оно было с головой накрыто сероватой казенной простыней и казалось совсем маленьким, почти детским.

Глядя на него, Гуров ощутил внезапный и резкий укол в сердце. Так с ним бывало – короткий приступ безнадежного сожаления по поводу чьей-то преждевременной и несправедливой смерти. Вообще-то смерть почти всегда несправедливость, но если это смерть ребенка или молодой женщины, то это несправедливость вдвойне.

Толубеев развел руками и негромко сказал:

– Вот так. Кажется, он опять взялся за дело. Честно говоря, я надеялся, что этот выродок покинул наши края...

– На твоём месте я бы на другое надеялся, – жестко сказал Гуров.

– Ну, знаешь... – произнес Толубеев, снова разводя руками.

Больше он ничего говорить не стал, а просто наклонился и откинул застиранное полотно, прикрывавшее труп. Гуров с застывшим лицом несколько секунд рассматривал его, не двигаясь с места. На поляне стало так тихо, что можно было явственно слышать, как звенит запутавшаяся в паутине муха.

Убитая выглядела так ужасно, что трудно было определить, сколько ей лет. Только по гладкой матово-белой коже на тонких запястьях Гуров смог предположить, что женщине вряд ли было более тридцати. Ее лицо и шея были сплошь покрыты жуткими пятнами фиолетового цвета. В растрепанных темно-каштановых волосах запутались высохшие сосновые иглы. Белая измятая блузка, выбившаяся из-под короткой кожаной юбки, была спереди обильно пропитана уже высохшей и побуревшей кровью. По мраморной лодыжке деловито сновали равнодушные муравьи.

Неожиданно для окружающих, да, пожалуй, и для самого себя Гуров присел на корточки и втянул носом воздух. Смолистый аромат хвои и запах смерти – больше он ничего не учуял.

– Закрой! – глухо сказал Гуров, поднимаясь.

– Так, может, мы, это... поехали? – тоскливо пробасил кто-то из санитаров, видимо, окончательно истомившихся.

– Да-да, забирайте тело! – будто проснувшись, произнес следователь Мышкин и добавил, обращаясь к своим: – Да и нам, товарищи, пора, пожалуй... В принципе все ясно кажется...

Он немного постоял, щурясь на косые лучи солнца, брызжущие из-за деревьев, а потом вдруг приблизился к Гурову и спросил – почему-то в третьем лице:

– А что, Лев Иванович официально теперь подключен к делу? Или так – любопытство заедает?

Мышкин был полной противоположностью Толубееву – худой, желчный, с дергающимся глазом и с вечной ехидцей в голосе, он мало у кого вызывал симпатию.

Гуров смерил его тяжелым взглядом, но ответил сдержанно:

– А кому я на ногу наступил? Официально к делу подключен полковник Крячко – или этого недостаточно?

Тонкий рот Мышкина расплылся в неопределенной усмешке. Он несколько раз кивнул и многозначительно заметил:

– Ну да, ну да, вы с полковником Крячко как нитка с иголкой... Просто у меня сложилось впечатление, что скоро все силы нашей славной милиции будут брошены на это дело... Впрочем, не имею ничего против – ум хорошо, а два лучше, как говорится. Буду рад выслушать ваши соображения... Если таковые появятся, конечно. – Он опять улыбнулся и пошел к своим.

Участники следственной группы потянулись в сторону просеки. Санитары подхватили носилки и поволокли их за деревья, демонстративно едва не оттоптав Гурову ноги.

Он хладнокровно посторонился и негромко спросил у Толубеева:

– Кто сообщил об убийстве?

– Неизвестный, – сказал оперативник. – Позвонил часа три назад в местное отделение милиции и сказал, что видел в лесу труп. Местные раскачались не сразу, но все-таки решили сигнал проверить. Ну а дальше уже они сообщили в убойный отдел и в прокуратуру. Тут тоже первым делом подумали о «сезонном убийце».

– Ну а ты сам что думаешь? – спросил Гуров.

– Я уже третий год думаю, – мрачно ответил Толубеев. – Уже волосы от дум вылезать начали. Кажется, попался бы этот гад сейчас мне в руки – сам бы придушил без суда и следствия!

– Это понятно, – кивнул Гуров. – А все-таки? Его почерк?

Толубеев не спешил с ответом. Он хмуро оглядел поляну и полез в карман за сигаретами.

– Понимаешь, Лев Иванович, – сердито сказал он. – У этой гниды один объект – молодые красивые бабы. Чем-то, видно, обидели они его крепко. Караулит поодиночке и на тот свет отправляет. Какой тебе еще почерк нужен? Здесь все то же самое...

– То же, да не совсем! – неожиданно подал голос Крячко. – Отличия от предыдущих убийств имеются, и, на мой взгляд, весьма существенные.

Толубеев раскурил сигарету без фильтра, нетерпеливо посмотрел на часы.

– Ты извини, Лев Иванович! – сказал он. – Мне ехать надо. Может, позже в управлении все обсудим? Я всегда готов. Просто сейчас...

– Да ты иди, майор! – благодушно ответил Гуров. – Мы тут со Стасом маленько покумекаем...

Толубеев пожал обоим руки и быстрым шагом направился туда, где за деревьями стояли машины.

Гуров дождался, пока широкая спина Толубеева пропала за кустами, и обернулся к Стасу.

– Так что же это за отличия? – строго спросил он. – И, кстати, где твои яблоки с перцем? Они тебе не почудились случайно?

– Ничего мне не почудилось, – уверенно заявил Крячко. – У меня нос, как у майора Ковалева, – про него книгу можно писать! Когда меня из милиции выгонят, я в дегустаторы пойду – возьмут без конкурса... Так что можешь не сомневаться – запах тот же самый!

– Запах – черт с ним! – грубо сказал Гуров. – Я не ради запаха приехал. Женщина – та самая?

Крячко виновато поднял глаза.

– А вот насчет женщины поклясться не могу, – сказал он. – Я ведь видел ее, можно сказать, мельком, в темноте, в парике и в другой одежде. А тут, ты сам мог убедиться, во что превратилось ее лицо, – родная мать не узнает!.. Одно скажу – комплекция та же самая.

– Ну и что? – безнадежно спросил Гуров. – Что из этого следует?

– Я не знаю, что из этого следует, – твердо сказал Крячко. – Но намерен узнать. Во-первых, духи, во-вторых, комплекция, в-третьих, интуиция. Слишком много для одного раза, тебе не кажется? А если учесть, что, возможно, эта самая женщина две недели назад хотела встретиться с тобой по важному делу...

– Все равно неубедительно, – буркнул Гуров. – Ну ладно... Так почему ты решил, что «сезонный» тут ни при чем?

– Кое-что не вяжется, понимаешь? – сказал Крячко. – Само собой, нужно дождаться окончательных выводов экспертизы, но уже сейчас некоторые вещи кажутся мне странными. Ведь что делал «сезонный убийца» со своими жертвами? Он нападал на них, избивал, чтобы сломить сопротивление, а потом медленно душил. Видимо, его поведение диктуется какими-то сексуальными мотивами. Не исключено, что он попросту импотент и таким образом пытается компенсировать свою несостоятельность, одновременно мстя женщинам...

– Все это мне известно, – проворчал Гуров. – Не надо читать мне лекций о сексуальных извращениях. Ближе к сегодняшнему делу!

– Как угодно, – пожал плечами Крячко. – Но я все-таки закончу для плавности повествования. Итак, убийца избивал и душил женщин, правильно? Но нам также известно, что окончательно расправлялся он с ними с помощью ножа – обычно перерезал горло. Вероятно, чтобы быть уверенным, что женщина не выживет.

– Об этом я тоже слышал, – сказал Гуров. – И, насколько я мог заметить, сегодня женщина была убита ударом ножа в живот. Именно это ты имеешь в виду?

– И это тоже, – кивнул Крячко. – Если быть точным – удар нанесен в печень. Доктор убежден, что после удара нож еще и провернули в ране. По его мнению, женщина погибла от болевого шока и кровопотери. Ни разу до этого следствие не сталкивалось с подобным.

– Это еще ни о чем не говорит, – возразил Гуров. – Кто знает, что в голове у этого выродка? Сегодня ткнул в печень, завтра опять перережет горло... Ведь все остальное совпадает? Судя по состоянию тела, женщину наверняка душили...

– Так-то оно так, – задумчиво проговорил Крячко. – Только доктор почти на сто процентов уверен, что женщину душили, когда она уже была мертва.

– Серьезно? – Гуров внимательно посмотрел на него. – Это меняет дело. Какой смысл душить того, кто уже умер?

– Никакого, – согласился Крячко. – Только если ты хочешь представить дело так, будто убийца – сексуальный маньяк, о котором говорит все Подмосковье... Одного только не учел настоящий убийца – что следы, оставленные на мертвом теле, отличаются от оставленных на живом...

– Это по-человечески понятно, – заметил Гуров. – Убийца не обязательно должен обладать анатомическими знаниями... Но ведь и судмедэксперт мог ошибиться, не так ли?

– Думаю, что не ошибся, – сказал Крячко. – Впрочем, завтра у нас будет официальное заключение... И, между прочим, знаешь, что еще сказал доктор?

Гуров вопросительно посмотрел на него.

– Смерть, по его мнению, наступила более двенадцати часов назад, – сказал Крячко.

– Та-ак! – сказал Гуров. – Значит, убийство произошло около полуночи?

– Видимо, – подтвердил Крячко. – Только ты мне скажи, что могла делать здесь в лесу женщина в легкой одежде – одна, в полной темноте? Конечно, тут рукой подать до жилых кварталов. Но это днем, когда светит солнышко... А представь себе, как все это выглядит ночью!

– Представляю, – задумчиво сказал Гуров. – Жутковато выглядит. И холод сейчас по ночам приличный – в кофточке не погуляешь. Следовательно...

– Думаешь, тело подбросили? – спросил Крячко. – Не угадал. Осмотр места показал, что, скорее всего, убитая пришла сюда своими ногами. К сожалению, когда мы приехали, здесь все уже было затоптано – наши коллеги постарались. Да и зеваки кое-какие проникли. Но все-таки некоторые отпечатки мы отсюда взяли. Остается надеяться, что экспертиза найдет что-то интересное...

– Ну, хорошо, а того, кто звонил в милицию, найти не пытались? – спросил Гуров.

Крячко безнадежно махнул рукой.

– Нет, конечно, – сказал он. – Говорю же, здешние менты – народ неторопливый... Хорошо, что вообще с места сдвинулись. Она могла ведь здесь и три дня пролежать...

– Ну это вряд ли, – заметил Гуров, взглядываясь в просвет между деревьями. – От жилья недалеко... Да и сдаётся мне, что кто-то был очень заинтересован, чтобы труп поскорее нашли.

– Думаешь, тот, кто звонил в милицию, имеет отношение к убийству? – с сомнением спросил Крячко. – А мне кажется, это случайный человек – просто не захотел связываться. Допросы, алиби, отпечатки пальцев... У нас ведь сгоряча могут таких дров наломать!.. А вообще, наверное, местные жители частенько выбирают сюда подышать воздухом... Стоило нам подъехать, как тут сразу нарисовались какие-то пацаны, грибники и прочий празднующийся народ... Любят наши люди по лесам шастать!

Таким заключением Стас закончил свою речь, и трудно было понять – с одобрением он относится к такой человеческой слабости или все-таки усматривает в ней покушение на некий злой умысел. Видимо, Гуров выбрал второе, потому что сказал в ответ:

– Так-то оно так, но ночью тут хоть глаз коли! Особенно сейчас, в новолуние. Ты можешь себе представить сексуального маньяка, который в холодном темном лесу караулит одиноких путниц, которых там нет? Я не могу. Для этого не маньяком нужно быть, а полным дебилом. Одно из двух – или эта женщина жила где-то тут неподалеку и в эту ночь вынужденно пряталась от кого-то в лесу, или ее специально привезли сюда, заманили под каким-то предлогом на поляну и... Одним словом, нам позарез нужно узнать имя убитой. Будем надеяться, что у нее есть родственники и они ее быстро хватятся.

– Иначе говоря, мне удалось тебя убедить, что это та самая женщина – с площади Маяковского? – спросил Крячко.

– Пока тебе удалось меня убедить, что дело здесь нечисто и кто-то сильно горит желанием свалить свои грешки на «сезонного убийцу», – сказал Гуров. – Должен признаться, это задевает меня за живое. Этого достаточно.

Глава 4

– Итак, что же получается? В министерстве меня попросили помочь следственной группе разобраться с так называемым «сезонным убийцей», – юмористически прищурился глаз, произнес генерал Орлов. – Я из лучших побуждений бросаю в прорыв одного из своих лучших кадров, а он еще больше запутывает дело! А теперь вдобавок выясняется, что я должен отрядить на поиски убийцы и полковника Гурова тоже! А почему только его? Может, всем главком включимся в это дело? – Он посмотрел на сидящих перед ним оперативников все с тем же насмешливым прищуром, но чувствовалось, что терпение генерала на исходе и он уже готов взорваться.

Разговор происходил в большом кабинете генерала. Кроме них троих, никого больше не было. Орлов был одет в парадный мундир – собирался в министерство с докладом. Он торопился и оттого нервничал еще больше.

– Послушай, Петр Николаевич! – делая простодушное лицо, проговорил Крячко. – Тут ведь не о маньяке речь идет. Тут подоплека! Мы ж тебе все объяснили... А если это та самая женщина, которая встрети слевой искала?

Орлов уничтожающе посмотрел на него и махнул рукой:

– Иди ты! Подоплека! Никогда ничего подобного не слышал! – сказал он. – А хоть бы и подоплека? Это твое задание – вот и копайся! Гуров-то тут при чем?

Гуров, до сих пор равнодушно рисовавший пальцем на полированной поверхности стола какие-то невидимые фигуры, вдруг поднял глаза и пристально посмотрел на генерала.

– Понимаешь, Петр Николаевич, я этого и сам не могу толком объяснить, – серьезно сказал он. – Но почему-то мне кажется, что я здесь очень при чем... Ничего конкретного – просто интуиция подсказывает. И знаешь, что я тебе скажу? Мне в это дело все равно придется влезть, так лучше было бы, если бы это было оформлено официально.

– Ишь ты! – удивился генерал. – Теперь уж я окончательно запутался, кто у нас начальник! Ну, раз Гуров решения принимает, кого куда назначать...

– Да ты, Петр, начальник, ты! – сказал Гуров. – А я, считай, тебе рапорт подаю. Необходимо мне с этим делом разобраться. А то совесть у меня не успокоится, понимаешь?

Орлов пренебрежительно махнул рукой.

– У тебя, Лева, все не как у людей – седина в бороде, а совесть в ребро! – с неудовольствием сказал он. – Я тебе тут кое-что другое поручить хотел, но раз ты так настаиваешь... В общем, сутки вам даю. Если представите что-то убедительное по этому убийству – тогда флаг вам в руки. А если опять про интуицию заливать начнете...

– Должны представить! – деловито заявил Крячко. – Сегодня многое прояснится – вскрытие, экспертиза... Опять же родственники о пропаже наверняка заявят. Мы представим!

– Ну-ну! – неопределенно буркнул Орлов и поднялся, давая понять, что аудиенция окончена.

Вернувшись в свой кабинет, Крячко первым делом спросил:

– Ты на самом деле себя виноватым чувствуешь? Ну, перед ней – перед убитой? Так ты, это... не спеши волосы-то рвать! Может, это и не она вовсе тебя искала? Может, это совершенно посторонняя женщина?

– Может, и посторонняя, – сказал Гуров. – А виноватым чувствую. А почему – и сам не знаю. Ведь ничего особенного не сделал, а душа не на месте. Если бы в тот вечер я не заважничал, может, эта женщина до сих пор жива была бы... Вот эта мысль мне никак покоя не дает, Стас! Всего-то нужно было человеку поверить, а меня и на это не хватило! Вот, кстати, ответ на вопрос о природе зла – оно в нас самих, Стас! И нужно постоянно следить, чтобы оно не вырвалось наружу...

У Крячко заметно испортилось настроение.

– И черт меня дернул! – пробормотал он под нос и тут же громогласно принялся убеждать Гурова: – И никакой твоей вины тут и в помине нет! Петр правильно сказал – седой ты уже человек, а такую чепуху сморозил! Ну, сам посуди, в чем ты виноват? С бабенкой той не встретился? Так ты и не обязан был. Мало ли какая провокация могла быть действительно? Я же вместо тебя пошел? А что она разговаривать не захотела, так это ее проблемы. Может, у нее на уме и правда какое-нибудь коварство было? И духи эти... В Москве, по статистике, сколько женщин? А сколько из них этот запах предпочитают? Тысяч сто – не меньше!

Гуров поднял брови и улыбнулся.

– Ты же меня вчера только в обратном убеждал, Стас! – сказал он. – Насчет предчувствия говорил...

– Так я же не знал, что ты так раскиснешь, полковник! – с досадой ответил Крячко.

– А я и не раскис вовсе, – серьезно сказал Гуров. – Когда это ты видел, чтобы я раскисал? Нет, тут дело в другом. Просто я для себя решил – осмотрительнее надо быть в поступках. Каждую минуту контролировать себя. Чтобы потом локти не кусать. А это убийство я до конца раскручу – слово даю! Чтобы или успокоиться, или вину перед той женщиной загладить – хотя бы так, если уж по-иному теперь не получится...

– Ну и ладно, – заключил Крячко. – Давай тогда дальше без морали, ладно? Я – человек простой, высокие материи не для меня. Мое дело – бандитов ловить.

– Ну, давай ловить бандитов! – вздохнул Гуров. – С чего начнем?

– Может, опять на Лосиноостровский поедем? – деловито спросил Крячко.

Гуров поморщился.

– Не вижу смысла, – сказал он. – Вчера уже полрайона облазили, а что толку? Хорошо еще на спектакль успели! Скорее всего, не жила она там. Нужно от другого плясать. Как мы вчера говорили.

– Ну так я насчет экспертизы тогда поинтересуюсь? – предложил Крячко.

– Лучше ты проверь, не поступало ли заявлений о пропаже родственников – подбери там, что по приметам совпадает, – сказал Гуров. – А с экспертами я сам поговорю. Только сначала давай еще раз по «сезонному убийце» пройдемся – может, мы с тобой чего напутали? Я ведь это дело с твоих слов знаю, да и ты сам только подключился...

– Я вчера с делом знакомился, – сказал Крячко. – Отлично все помню, но пересказывать тебе не буду. Лучше объясню, какая картина у меня голове сложилась – как я себе этого подонка представляю – его, так сказать, чаяния и помыслы...

Крячко поднялся и подошел к большой карте Москвы, висевшей на стене кабинета. Крепким прокуренным пальцем ткнул в зеленое пятно Лосинового острова.

– Начну с конца, – заявил он. – Чтобы ты сразу понял, что к чему. Дело в том, что последнее убийство, числящееся за «сезонным убийцей», приходится на начало октября прошлого года и совершено оно было именно в лесном массиве Лосинового острова. Только гораздо дальше – вот здесь, за Кольцевой автодорогой. Была убита молодая женщина, собиравшая вместе с родственниками грибы. День тогда был довольно теплый, а накануне прошел дождь, и грибы, видимо, поперли... Но я отвлекся. А суть в том, что та женщина отбилась от своих, может быть, даже заблудилась, и это стоило ей жизни. Хватились ее, только когда начало уже темнеть. Кстати, к вечеру опять пошел дождь, и ни о каких поисках преступника в мокром, темном лесу речи, конечно, не шло...

– Что-то пока я не понимаю, куда ты клонишь, – заметил Гуров. – Должно быть, действительно возраст сказывается. Ты имеешь в виду, что преступник обитает где-то в том районе?

– Совсем нет, – сказал Крячко. – Я имею в виду, что тот случай был последним, который отпечатался в массовом сознании как деяние «сезонного убийцы». Отсюда и выбор места нашего преступления. Наш убийца решил закосить под маньяка, и первое, что ему пришло

в голову, – это Лосиный остров. В самом деле, не будет же он хранить в памяти весь послужной список незнакомого ему человека! Да и народ на Лосиный остров откликнется с большей вероятностью – «...вы слышали, а на Лосином-то опять женщину убили!».

– В принципе, это логично, – сказал Гуров. – Но почему ты не допускаешь, что это мог сделать один и тот же убийца?

– Он мог бы это сделать, – согласился Крячко. – Но сделал бы он это иначе. Об этом я тебе и вчера говорил. Суть в том, что все предыдущие убийства были совершены или днем, или утром, или ранним вечером, – во-первых, как мы с тобой правильно сообразили, молодые женщины ночами по лесу не бродят. А во-вторых, хотя я не психиатр, но осмелюсь предположить, что преступнику было важно видеть реакцию жертвы. Собственно, ради этого он и выходил на свою кровавую охоту. Вчера ничего подобного не было. Теперь еще одна деталь – во всех случаях применялся один и тот же нож – это установлено. Со стороны преступника это неразумно, но, может быть, он считает свою финку талисманом. Будешь интересоваться выводами экспертов, особое внимание обрати на идентичность орудия убийства. Лично я уверен, что вчера орудовали совсем другим ножом.

– Но это мало что дает, – сказал Гуров. – Нож мог потеряться. В конце концов, убийца мог решиться его поменять...

– Мог. Но вряд ли. И вспомни про синяки на шее убитой. Здесь-то он свои привычки точно не станет менять. До сих пор он действовал точно по сценарию... Кстати, я просвещу тебя, где он действовал. Первые два убийства произошли позапрошлой осенью в районе Северного Бутова. Сначала была убита школьница, гулявшая по лесу, а через неделю – местная проститутка, которую преступник, видимо, заманил в лес. Тогда власти забили тревогу, но больше убийца себя не обнаруживал, и о нем постепенно забыли.

На следующий год, уже в Северном Тушине, произошел аналогичный случай. Подвыпившая студентка отбилась от компании, отдохавшей в лесу, – что-то они там поссорились, парня не поделили, что ли... Отправилась в сторону дороги, собираясь, видимо, сесть на автобус. Но не дошла – была убита. Потом подобные случаи повторялись еще пять раз. Характерным было еще одно обстоятельство – убийца как бы перемещался по Кольцевой автодороге, присматривая себе очередное место – Северное Бутово, Северное Тушино, Хлебниковский лесопарк, Лосиный остров... Я полагаю, что он, скорее всего, пользовался автостопом. Возможно, выбирал дальнобойщиков, людей временных в этих краях... Недаром у нас до сих пор нет никаких примет этого человека. Осторожный, гад! Хотя не думаю, чтобы он отличался интеллектом, – мне даже представить сложно, чтобы у этого зверя был интеллект.

– Наверное, ты прав, – сказал Гуров. – Этот человек явно не Эйнштейн. Скорее всего, мы имеем дело с маргинальной, психопатической личностью, склонной к неосознанной агрессии. Вряд ли этот тип отличается броской внешностью, но зато среди работяг всегда может сойти за своего. Возможно, в Москве действительно появляется наездами. Не секрет, что существуют места, где можно найти работу безо всякой регистрации, – где-нибудь на стройке или в каком-то подсобном хозяйстве... Интересно, Толубеев пытался прочесывать такие места?

– Были попытки, – сказал Крячко. – Мысль о сезонном рабочем возникла сразу. Но рынок сезонного труда слишком велик, а порой и слишком закрыт... Короче говоря, ничего существенного в этом направлении обнаружить не удалось. Кроме того, нельзя исключить, что этот человек вообще живет не в Москве, а где-то в области, а сюда приезжает, так сказать, за «развлечениями»...

– Понятно, – кивнул Гуров. – Хотя странно, что за два года никто его даже не видел. Видимо, осторожность у этого подонка в крови.

– Да, его никто не видел, – подтвердил Крячко. – Единственное, чем располагает следствие, – это следы пальцев на шеях жертвы и отпечатки обуви убийцы – сорок пятый размер!

Но, к сожалению, и те и другие отпечатки весьма приблизительные. Точно можно лишь предполагать, что это мужчина высокого роста, довольно крепкий физически.

– Негусто, – покачал головой Гуров. – Но ведь, кажется, мы-то с тобой не его ищем?

– Это как сказать, – невесело заметил Крячко. – Я, во всяком случае, ишу и его тоже.

Глава 5

Начальник отдела криминалистической экспертизы полковник Дорохов встретил Гурова с воодушевлением.

– Лев Иванович! – провозгласил он, выбираясь из-за стола и устремляясь Гурову навстречу. – Давненько ты к нам не заглядывал! Я уж думал, не на пенсию ли ушел?

– Чего это ты меня на пенсию провожать вздумал, Степаныч? – с напускной строгостью сказал Гуров. – Кого-то на мое место продвинуть хочешь?

– Ну, это ты загнул! – засмеялся Дорохов. – Это, как говорят юмористы, совсем наглость потерять надо – на твое место замахиваться! Ты у нас один в своем роде. Твое место за тобой пожизненно закрепить надо.

– Силен ты на комплименты, Степаныч! – засмеялся Гуров. – Давай с этим делом заканчивать, а то ты еще памятник предложишь мне установить – на малой родине...

– Лучше на Лубянской площади! – захохотал Дорохов, чрезвычайно довольный своей шуткой. – Там как раз место пустует.

– Так я не по тому ведомству, – отмахнулся Гуров. – Ну, давай серьезно. Я ведь к тебе по делу пришел.

– Тогда присаживайся, – сказал Дорохов, моментально делаясь серьезным. – А что за дело?

Гуров не спеша уселся в кресло, окинул взглядом кабинет полковника, президентский портрет на стене, шкаф, набитый трудами по криминалистике, и сказал:

– Вчера женщину в районе Лосинового острова убили. Полковник Крячко выезжал на место вместе со следственной группой. Говорит, ребята там что-то нашли – следы, например... Вообще, меня любые подробности интересуют. У тебя кто этим делом занимается?

– Это ты про «сезонного убийцу» говоришь? – нахмурившись, сказал Дорохов. – Понятно. Опять ожил, гад! И, главное, третий год его никак поймать никто не может! Это что же выходит – наша с тобой милиция и в самом деле ни на что уже не годится, Лев Иванович? – в голосе его звучала неподдельная горечь.

– Ну ты же, Степаныч, не журналист какой-нибудь, – с упреком заметил Гуров. – К чему эти обобщения? Ты же знаешь, что это не так. Вот ты сам, например, разве ни на что не годишься? А я? Ты же мне памятник хотел ставить! А маньяков всегда долго ловили, еще и при советской власти – ты это не хуже меня знаешь... Скользкие, твари!

– Это-то верно, – покачал головой Дорохов. – Только вот когда у тебя у самого дочь молодая, поневоле начинаешь задумываться, а может ли она чувствовать себя в безопасности...

– Тут не в одной милиции дело, – сказал Гуров. – Всю страну на уши поставили. Народ нищий, злой, а иногда и просто чокнутый. Тут, пожалуй, никто не застрахован... Как это в каком-то фильме говорилось – личной безопасности не гарантирую...

– Да, жизнь нужно налаживать, – уныло согласился Дорохов и вдруг слабо улыбнулся: – А ты хитрец, Лев Иваныч! Памятник-то ты сам себе предложил поставить – на родине, забыл? Так что я тут ни при чем... А если серьезно, то давай займемся твоим делом. Сейчас я распоржусь, чтобы сюда принесли материалы...

– Не стоит, Степаныч, – сказал Гуров. – Я сам побеседую. В рабочей, так сказать, обстановке.

– Ага! Ну, так мне еще лучше, – обрадовался Дорохов. – Сейчас я выясню. – Он быстро позвонил куда-то и тут же сообщил Гурову: – Иди в шестую комнату. Там капитан Бойко тебе все объяснит – я предупредил.

Гуров поблагодарил и отправился на поиски шестой комнаты, которая оказалась чистым, светлым помещением, из-за обилия аппаратуры на столах напоминающим лабораторию. Да, собственно, таковым оно и являлось.

В комнате никого не было, кроме коротко стриженной рыжей женщины в белом халате, которая сидела перед включенным компьютером. На вид ей было лет тридцать пять. Увидев Гурова, она приветливо улыбнулась и встала.

– Здравствуйте! – сказал Гуров. – А мне нужен капитан Бойко. Он вышел?

Женщина опять улыбнулась и ответила:

– Капитан Бойко – это я. А вы Лев Иванович Гуров? Очень приятно! Я много о вас наслышана. Присаживайтесь, пожалуйста...

Гуров смутился.

– Простите, неловко получилось, – сказал он. – Вы меня знаете, а я ни сном ни духом... И Дорохов не предупредил! Как вас зовут-то, капитан Бойко?

– Можете звать меня Анной, – сказала женщина. – И ничего страшного, что вы меня не знаете. Я совсем недавно сюда перевелась. До этого шесть лет в Питере. Муж у меня военный – вот и кочуем. Правда, почему-то исключительно по столицам – сначала Таллин, потом Питер, теперь вот Москва... Но вам это неинтересно... Дмитрий Степанович сказал, что вам нужны материалы по убийству на Лосином острове?

– Да, если можно, – сказал Гуров. – Для меня важна каждая зацепка. Это убийство в каком-то смысле задевает меня лично, понимаете?

Женщина смотрела на него с интересом, чуть наклонив набок рыжую голову.

– Честно говоря, не понимаю, – призналась она. – Но это не важно. Кое-что у нас действительно уже готово. Кстати, вы не первый справляетесь. У меня уже был майор Толубеев, и Мышкин из прокуратуры звонил. Вы с ними вместе работаете?

Гуров ответил не сразу, но все-таки предпочел сказать правду:

– Пока я официально не подключен к этому делу. Но, думаю, это ненадолго. Вы боитесь, что материалы могут попасть не в те руки?

– Нет, не боюсь, – улыбнулась Анна. – Все равно вы получите только копии заключений. Но, кстати, заключение судмедэксперта будет у вас раньше, чем у следователя, – оно только что поступило. Вы довольны?

– Я на первенство не претендую, – сказал Гуров. – Я же не конкурирующая фирма. Но за оперативность спасибо.

– К этим убийствам все относится очень серьезно, – пояснила Бойко. – Особенно женщины, наверное. Ведь невольно все равно представляешь себя на месте этих несчастных... И честно говоря, не по себе делается. Вам, мужчинам, этого не понять.

– Ну почему же? – возразил Гуров. – Мне, например, тоже не по себе. И потом, у меня есть жена.

– Да, – вздохнула Бойко. – Ну так я вам сейчас вкратце обрисую, что нам удалось выяснить. Если что-то забуду, вы потом по бумагам разберетесь... Я ведь с делом о «сезонном убийце» совсем недавно познакомилась. Может быть, не все ухватила... Только знаете что?.. – она неуверенно посмотрела на Гурова. – У меня тут кое-какие сомнения возникли...

– Сомневаетесь, имеет ли вчерашнее преступление отношение к «сезонному убийце»? – подсказал Гуров.

– А как вы догадались?

– Сам сомневаюсь, – сказал Гуров. – Так что вы нашли, Анна?

– Вот протокол вскрытия, – сказала Бойко. – Фотографии, анализ раневого отверстия. Тут самые главные сомнения. В качестве орудия убийства применялся однозначно не тот нож, которым были совершены предыдущие восемь убийств. Да и способ убийства... Вы же знаете...

– Да, знаю, – кивнул Гуров. – Остальным женщинам убийца перерезал горло.

– И предварительно душил, – упавшим голосом добавила Анна. – В нашем варианте следы удушения тоже присутствуют, но доктор дает заключение, что эти следы нанесены уже после смерти жертвы и, скорее всего, должны были имитировать почерк «сезонного убийцы».

– Не слишком-то чисто сработано, а? – спросил Гуров. – Если в подобном случае применимо такое выражение, я бы сказал, что убийца действовал спустя рукава.

– Возможно, торопился, – предположила Бойко.

– Или выполнял чей-то заказ, – сказал Гуров. – Который был ему не очень-то по душе. Но не будем гадать. Что еще у вас имеется?

– Нам удалось получить слепок с отпечатка подошвы. Скорее всего, он принадлежит убийце, потому что обнаружен рядом с трупом.

– Что-нибудь особенное? – поинтересовался Гуров.

– Кое-что особенное имеется, – кивнула Бойко. – Судя по всему, убийца был обут в ботинки армейского образца сорок пятого размера. Крупный мужчина. Но это еще не все. В кустах, которые находятся на пути от просеки к месту преступления, на ветках обнаружены хлопчатобумажные нити – видимо, пробираясь там в темноте, убийца зацепился рукавом. Окончательное заключение будет сделано чуть позже, но мое мнение, что мы опять-таки имеем дело с армейским типом одежды. Как-никак, а всю сознательную жизнь я провела среди военных, – улыбнулась Анна. – На форму у меня глаз наметан.

– Тем более что это глаз эксперта, верно? – подмигнул Гуров. – Так, значит, вы полагаете, что здесь орудовал человек в военной форме?

– Или в полувоенной, – уточнила Анна. – Сейчас многие носят камуфляж. Это стало почти модой. Возможно, это был сотрудник какой-то охранной фирмы. Тут много вариантов.

– Да, много. Но это все-таки уже кое-что, – сказал Гуров. – Если только убийца не нарядился в форму специально для такого случая и не сжег ее сразу после совершения преступления.

– Вам, как сыщику, виднее, – заметила Анна. – Но, думаю, это слишком сложно – ведь в таком случае убийца должен был рассчитывать, что его одежду заметят, вырванный клочок найдут и идентифицируют... По-моему, ему было чем занять голову и помимо этого – вам не кажется?

– Наверное, вы правы, – сказал Гуров. – Пожалуй, тут я переборщил. Будем считать, что преступник до сих пор ходит в форме...

– Один из преступников, – неожиданно сказала Анна. – Не исключено, что убийца имел сообщника. Вернее, сообщницу.

Гуров удивленно вскинул брови.

– Да-да, на поляне обнаружены следы женских туфель. Но убитой они не принадлежат.

– Это очень интересно, – сказал Гуров. – Тут не могло быть никакой ошибки?

– Не думаю. Следы совсем свежие. А я сверялась с данными метеобюро – накануне убийства в районе Лосинога острова прошел дождь. Эти следы появились там после дождя.

– Но это начисто опровергает версию о «сезонном убийце»! – сказал Гуров. – Как отнестся к этой информации майор Толубеев?

– Скептически, – улыбнулась Анна. – Как и следователь Мышкин, кстати... Их больше заинтересовали данные о размере обуви убийцы. Размер один и тот же, понимаете? Этот факт кажется им основополагающим. На прочие следы они не желают обращать внимания – утверждают, что по милости местных пинкертонов посторонние вытоптали всю поляну еще до приезда следственной группы.

– А вы что об этом думаете? – спросил Гуров.

Анна пожала плечами.

– Действительно, там были посторонние следы, – сказала она. – Но больше по краям поляны. Ближе к трупам подходить никто не решался. А может быть, местные пинкертонеры не так уж плохо и сработали... Во всяком случае, характер следов, о которых я говорю, недвусмысленно указывает на то, что какая-то женщина присутствовала на поляне в ночь убийства. Возможно, даже принимала в нем участие.

– Ну что же, вы сообщили мне очень интересные сведения, – сказал Гуров. – Я вам очень благодарен... Анна!

Женщина пристально, чуть насмешливо смотрела на него, будто ожидая чего-то.

– А вы уже установили личность погибшей? – вдруг спросила она.

– Еще нет, – ответил Гуров. – Но, скорее всего, родственники уже забили тревогу...

– А если нет?

– Тогда все осложняется, – сказал Гуров. – А почему вы спрашиваете?

– Странный вы народ, сыщики, – заметила Анна. – Ваши коллеги тоже надеются на родственников... А если у погибшей не было родственников?

– Ну, какие-то родственники всегда имеются, – возразил Гуров. – Хотя бы седьмая вода на киселе... Не с Марса же она прилетела, правда?

– Разные бывают ситуации, – покачала головой Анна. – Может быть, она приезжая? Или, более того, беглянка? Может быть, ее родственники будут помалкивать до последнего? Может быть, как раз родственники...

– А у вас голова хорошо работает, капитан Бойко! – с уважением сказал Гуров. – Может быть, пора сменить профессию? Я готов походатайствовать...

– Спасибо, мне и здесь нравится, – ответила Анна. – Я почему завела этот разговор? Убитая не имела при себе никаких документов – вообще ничего не имела. Но кое-какая зацепка все-таки имеется. Белье!

– Белье? – удивился Гуров.

– Ну да! Очень хорошее, настоящее французское белье. Трусики, бюстгальтер... Очень дорогое, между прочим. На Западе такое носят очень состоятельные женщины. А у нас... Ну, не знаю, кто носит у нас. Но знаю, что торгуют таким бельем далеко не во всех магазинах. Если вас это интересует, могу составить списочек таких магазинов...

– Был бы вам очень признателен, – сказал Гуров. – А Мышкину вы тоже составили такой списочек?

– Предлагала, – ответила Анна. – Он сделал вид, что меня не понял. По-моему, этот Мышкин недолюбливает женщин, вам не кажется?

– Честно говоря, не интересовался этим вопросом, – посмеиваясь, сказал Гуров. – Зато могу заявить с полной ответственностью – полковник Гуров относится к женщинам с неизменным восхищением!

– Вы меня утешили, – со вздохом произнесла Бойко. – А то уж я совсем было собралась записаться в феминистки. Вот вам обещанный списочек, полковник Гуров! Вот копии протоколов, а вот фотография убитой. Мы постарались облагородить ее как смогли, но... сами понимаете, мертвец есть мертвец! Тем более несколько часов пролежавший ничком.

Гуров взглянул на фотографию и вздохнул.

– Да, зрелище не для слабонервных! – сказал он. – Но черты лица, по-моему, угадываются – это главное. Попробую пройти по вашему списку – может быть, в каком-нибудь магазине вспомнят свою клиентку...

Глава 6

Гурову повезло. В списке, который вручила ему эксперт, было около дюжины магазинов. Женщину на страшноватой фотографии узнали уже во втором.

Это был небольшой, но уютный и роскошный магазин-салон в одном из переулков, выходящих на Новый Арбат. Он носил звучное имя «Версаль». Торговали там, насколько мог понять Гуров, косметикой, парфюмерией и женской одеждой. Продавщицы, ухоженные, длинноногие и элегантно одетые – скорее, модели, чем продавщицы, – отличались безукоризненной вежливостью и почти материнской заботой. От их улыбок кружилась голова.

Больше всего Гурова удивил тот факт, что внимательное отношение к нему не изменилось, даже когда стало ясно, что Гуров – вовсе никакой не клиент. По-видимому, установка в этом магазине была совершенно четкой – проявлять радушие к любому забредшему сюда человеку. Не важно, что сегодня он ничего не купит – зато сохранит хорошие воспоминания и, возможно, уже завтра вернется с деньгами.

Гуров одобрял такой принцип, но, прикинув краем глаза цены, решил, что, если и вернется сюда в качестве покупателя, то, скорее всего, не завтра, а возможно, даже не в этом году. Поэтому он сразу же перевел разговор на деловые рельсы и предъявил вежливым девушкам свое удостоверение.

– С вашего разрешения, я хотел бы задать несколько вопросов, – сказал он. – Откровенно говоря, у вас тут так красиво и так приятно пахнет, что вторгаться с прозой жизни мне просто неловко. Чувствую себя почти Геростратом. Но деваться некуда! Совершено преступление, и я должен найти преступника. Вы мне поможете?

Девушки – их было трое – встревоженно переглянулись, а потом одна из них, блондинка в бежевом платье, спросила певучим голосом:

– А что случилось? И почему именно мы должны помочь? Кажется, в нашем магазине ничего такого...

– Нет-нет, к вашему магазину у меня нет ни малейших претензий! – поспешил успокоить ее Гуров. – Просто, возможно, вы помните женщину, которая могла покупать у вас белье... Дорогое, французское... Может быть, еще что-то...

– У нас много постоянных клиентов, – сказала девушка. – Если эта женщина была в нашем магазине, мы наверняка ее помним. Но кого именно вы имеете в виду?

– Прошу прощения, но фотография неудачная, – сообщил Гуров, показывая снимок.

Он увидел, как широко открылись глаза продавщицы. Но бурной реакции не последовало – люди здесь были идеально вышколены. Девушка только сказала сдержанно:

– О, это ужасно! С этой женщиной что-то случилось, правда?

Гуров подумал, что нет никакого смысла притворяться, и сказал в ответ:

– Да, к сожалению... Самое худшее, что может случиться с человеком. Так вы не припоминаете эту женщину?

К удивлению Гурова, блондинка уверенно кивнула и ответила:

– Я ее помню. Она несколько раз была у нас. Обычно ею занималась Катя. – Она обернулась и слегка кивнула коротко стриженной брюнетке в черном искрящемся платье: – Катя, расскажи следователю...

– Я не следователь, – улыбнувшись, пояснил Гуров напряженно глядящей на него брюнетке. – Старший оперуполномоченный. Впрочем, это не имеет никакого значения... Катя, вы видели эту женщину?

На брюнетку фотография произвела гораздо более сильное впечатление. Она побледнела и едва сумела проглотить комочек в горле.

– Господи! – прошептала она в ужасе. – Это же Вика! Что с ней? Она умерла?

– Ее убили, – сказал Гуров. – А вы ее хорошо знали?

Брюнетка не ответила. Зажав ладонью рот, она продолжала с ужасом рассматривать фотографию. Потом, будто очнувшись, произнесла «Извините!» и протянула снимок Гурову. Он был вынужден повторить вопрос.

– Да, я ее знала, – потерянно пробормотала девушка. – Не то чтобы хорошо... Она покупала у нас вещи... Последний раз недели три назад. Истратила около пяти тысяч долларов... Как же так? Всего три недели назад! Она стояла здесь, улыбалась, разговаривала... – Катя бес- сильно уронила руки. – Как могли ее убить – не понимаю!

– Не говори глупостей! – негромко сказала блондинка. – Сейчас любого могут убить. А у кого деньги – так в первую очередь...

– А у вашей клиентки, значит, водились деньги? – спросил Гуров.

Блондинка фыркнула:

– Еще бы! К нам бедные не ходят. Между прочим, мы сами здесь ничего не покупаем – нам это не по карману!

– Сочувствую, – сказал Гуров. – А откуда взялось богатство у этой Вики – вы, кажется, так ее назвали? Никаких соображений на этот счет не имеется? Ведь вы общались, Катя... Может быть, она занималась бизнесом?

– Нет, по-моему, – тускло произнесла брюнетка. – По-моему, она ничем не занималась. По-моему, ей деньги муж давал.

– А кто у нас муж? – Эта фраза из известного кинофильма вырвалась у Гурова невольно, и он в душе тут же выругал себя – слишком легкомысленной она получилась.

Катя, впрочем, ничего не заметила – она слишком была потрясена.

– Кажется, муж у Вики генерал, – не слишком уверенно проговорила она. – Он заходил вместе с ней раза два. Такой представительный мужчина в мундире. На заказ пошит у хорошего портного – у меня на этот счет глаз наметан... Погоны золотые с одной звездой – не знаю, как правильно такой генерал называется...

– Если с одной, то генерал-майор! – авторитетно заявила блондинка. – Мы же с тобой еще тот раз разговаривали, и я тебе сказала – гляди, а у Вики муж генерал-майор!

– Да я помню, что ли? – тоскливо сказала Катя. – Генерал и генерал – какая разница?

– Действительно, к чему эти несущественные детали! – невозмутимо заметил Гуров. – Важнее другое – может быть, припомните, как Вика его называла? Ну, по имени там... Или, может, ласковое прозвище какое?

– Да какое там прозвище! – сказала блондинка. – Такого только по уставу называть! На мой вкус, лучше уж полковник, но повеселее. А этот совсем мрачный был. Он и в магазин к нам практически не заходил. Один раз только. Постоял с хмурым видом и вышел. А в другой раз вообще в машине остался...

– Что за машина? – тут же спросил Гуров.

Продавщицы переглянулись.

– Да вроде этот... «Мерседес», – сказала Катя. – Белый. Не самой последней модели, по- моему, но вполне приличный...

– Шофер за рулем? – подсказал Гуров.

– Вот шофера не помню, – ответила Катя. – Генерал сам управлял.

– Значит, скорее всего, «Мерседес» личный? – задумчиво проговорил Гуров. – Номер, конечно, вы не запомнили?

– Конечно, нет! – с некоторым вызовом сказала блондинка. – Мы же не в милиции рабо- таем. Знать бы наперед, что так получится, мы бы, конечно, присмотрелись...

– Понятно, – мирно сказал Гуров. – А вот вы говорите, что этот генерал какой-то очень уж страшный был... Поконкретнее можно – что вы имели в виду? Внешность можете описать?

– Да что описывать? – растерялась блондинка. – Мужик как мужик. Лет сорока пяти.

– Для Вики он староват вроде, – тихо добавила Катя. – Она-то лет на двадцать пять выглядела, не больше.

– У молодых бабки в кармане еще не завелись! – отрезала блондинка. – И не больно он старый. Просто я имела в виду, что чересчур важный. Лицо такое... жесткое, что ли... и еще брезгливое. Смотрит на тебя и вроде решает – расстрелять или просто на гауптвахту посадить. – Она не удержалась и прыснула.

– Ну, это уж ты загнула, Ленка! – возразила Катя. – Генерал и должен быть таким. Как-никак он людьми командует. Может, целой дивизией! Представь только себе! Поневоле жестким сделаешься.

– А правда, – подхватил Гуров. – Чем наш генерал командует? Вика ничего об этом не говорила? Или, к примеру, где живет? Может быть, хотя бы район называла?

Катя задумалась, а потом отрицательно покачала головой.

– Н-нет! – сказала она. – Ничего такого она не говорила. Это точно. Да и зачем? Мы же с ней только по делу общались. Клиентки, они не всегда откровенны, а многие на нас вообще внимания не обращают...

– Если бы вы переключились на мужскую одежду, вам бы не пришлось жаловаться на отсутствие внимания, – улыбнулся Гуров. – Покупательницы вам просто завидуют. Вы все такие симпатичные!

– С мужчинами еще хуже, – неожиданно серьезно ответила блондинка Лена. – Все время начеку нужно быть. Богатые мужики на тебя как на приложение к товару смотрят. У нас здесь все-таки спокойнее. Красиво. И запах приятный...

– Кстати, о запахах! – вспомнил Гуров. – Какие духи предпочитала ваша Вика? Вот, например, запах яблок и перца – такое сочетание вам ни о чем не говорит?

Смешливая блондинка опять фыркнула и посмотрела на Катю.

– Ну, я не знаю, – неуверенно пробормотала та. – Запахи – это так индивидуально... Хотя, пожалуй, вы правы – Вика предпочитала духи с фруктовым ароматом, с яблочным в том числе... Вообще же духи – это синтез многих запахов. При желании можно отыскать самые неожиданные... Того же перца, например... Хотя я, честно говоря, не припоминаю...

– Хорошо, возможно, мы поступим следующим образом, – перебил ее Гуров. – Я как-нибудь приведу к вам своего товарища – он, между прочим, собирается переквалифицироваться в дегустаторы, – и вы покажете ему духи, которыми пользовалась Вика, ладно? Это его грядка...

– Грядка? – растерянно повторила Катя.

– Ну, я имею в виду, что он сразу разберется, что к чему. А я в этом вопросе слабовато подкован. – Гуров улыбнулся и добавил: – Кстати, он полковник и мужик довольно веселый... Уж точно повеселее вашего генерала.

Он надеялся, что такая характеристика заинтересует блондинку Лену, но она только соорудила скептическую гримаску на хорошеньком личике и совершенно неожиданно сказала:

– Все вы весельчаки – только женщинам из-за вас одни слезы!

– Ну это уж вы преувеличиваете! – сказал озадаченный Гуров. – Так уж и одни слезы?

– В основном, – твердо заявила девушка и, поколебавшись, добавила: – Ну, может, к вам это не относится. Может, вы золотой муж, я не знаю...

– В золотые зарплатой не вышел, – засмеялся Гуров. – А вот муж вашей клиентки на такое звание вполне может претендовать – сами говорите, деньги ей давал, «Мерседес» опять же... Чем вам не положительный пример мужской доблести?

Блондинка Лена только махнула рукой, а Катя сказала:

– Материальное положение имеет значение, конечно, но это не самое главное. Если между супругами не все ладно... Между прочим, та же Вика выглядела не очень-то счастливой. Сама улыбается, а в глазах – тоска. Непросто, видно, жить-то с генералом!

– Ну, это как посмотреть, – возразила Лена. – Иная генеральша так своим командует – любо-дорого!..

– Вика, по-моему, не из таких, – вздохнула Катя.

– А из каких? – спросил Гуров.

– Ну, она, это... более душевная, что ли, – объяснила Катя.

– Понятно, – сказал Гуров. – Значит, ничего больше сказать о ней не можете? Ну что ж, и на том спасибо. Хоть что-то прояснилось. Будем работать дальше...

– А, простите... – нерешительно проговорила Катя. – Если Вика погибла, как вы говорите, почему вы у нас спрашиваете, кто она такая? Разве муж от нее отказался? Или они вместе погибли?

– Ты опять глупости говоришь, Катюшка! – снисходительно заметила блондинка. – Если бы такая шишка, как генерал, погибла, вся Москва давно бы знала. Просто он ее еще не хватился, бедненький. А может, до смерти рад, что жена пропала, – я угадала? – она с веселым вызовом уставилась на Гурова.

– Поскольку о существовании генерала я узнал только от вас, – сказал Гуров, – то, разумеется, ничего не могу знать о его тайных мыслях. Но когда я его увижу, то спрошу об этом. Непременно.

Глава 7

Крячко появился уже к вечеру. Он ввалился в кабинет с жалобным выражением на лице и как гончая потянул носом воздух.

– Ну, конечно, разве у нас умеют ценить трудящегося человека! – провозгласил он. – Весь день бегаю по городу, крошки во рту не было, мечтаю хотя бы чашку кофе выпить – но где там! У нас только пылью пахнет. А между прочим, в самом паршивом отделении милиции обязательно пахнет «Нескафе»!

– Что ж тебя в этом паршивом отделении не угостили? – спросил Гуров, с юмором глядя на друга. – Не угадали в тебе трудящегося человека? Или решили, что такая важная птица простым «Нескафе» побрезгует?

– Да у меня просто времени не было! – с обидой сказал Крячко. – Выяснял, сколько заявлений о пропаже родственников со вчерашнего дня поступало. Учитывая, что случай совсем недавний, я не только центральный банк данных проверял, но и по отдельным районам прошелся. Всего, конечно, не успел, но предупредил, чтобы о каждом новом заявлении непосредственно нам сообщали... А пока – вот, познакомься! – он небрежным жестом бросил на стол перед Гуровым исписанный листок. – Здесь данные на пропавших в течение последних двух суток женщин. Я выбирал, естественно, только тех, кто более или менее подходит по возрасту. Всего получилось – сколько ты думаешь? Тридцать четыре человека! Не слабо, да? Конечно, нужно учитывать, что здесь могут быть и загулявшие жены, и сбежавшие невесты, но все равно цифра! Обходить адреса я уже не стал – решил прежде с тобой посоветоваться. Ты как полагаешь, с кого лучше начать?

– Начать лучше с молодой жены некоего генерал-майора, которую зовут Викторией, – невозмутимо сказал Гуров. – У тебя в списке такая имеется?

Крячко подозрительно посмотрел на него, погрозил пальцем и полез в сейф в поисках банки с кофе.

– Ты меня разыгрываешь, да? – сдавленным голосом спросил он, засовывая голову в сейф.

– Зря стараешься, – хладнокровно заметил Гуров. – Кофе у нас кончился еще на той неделе. А я тебя не разыгрываю, а сообщаю оперативную информацию. Убитую действительно звали Викой, и она имела мужа-генерала. Ее опознали по фотографии в магазине «Версаль», где она покупала белье.

– А туда-то ты как попал? – воскликнул Крячко, от удивления ударяясь головой о стальную полку сейфа. – О, черт! Вот теснотища – как в том анекдоте!.. Нет, правда, я понимаю, ты великий сыщик, но... Ты же вроде пошел к криминалистам?

– Они меня и надоумили. Вернее, один из них, – улыбнулся Гуров. – Рыженький такой, по имени Анна... Она сразу обратила внимание, что убитая предпочитала изысканное белье, и даже дала мне адреса магазинов, где такое белье можно купить. Я пошел по списку, но мне повезло больше, чем тебе. Уже во втором магазине убитую однозначно опознали, хотя фотография такая, что просто мороз по коже...

– Представляю себе... И тебе в самом деле удалось узнать ее имя? – Крячко начисто забыл про кофе и с видом глубочайшей заинтересованности уселся напротив Гурова.

– Ну, во всяком случае, мне удалось узнать, на какое имя она откликнулась в магазине «Версаль», – сказал Гуров. – Хотя, думаю, у нее не было особенно веских причин называться вымышленным именем, делая покупки, – зачем? Так что, скорее всего, эту женщину действительно звали Викторией...

– И она действительно была замужем за генералом? – спросил Крячко. – Она сама об этом сказала?

– Генерал дважды сопровождал ее в походах по магазинам, – объяснил Гуров. – В Америке такие походы называются, кажется, шопингом...

Крячко выглядел озадаченным. Он присвистнул и сказал разочарованно:

– Ну, если все это правда, тогда мои труды – коту под хвост! В списке не числится ни одной Виктории и ни одной генеральской жены... Если только она была ему не женой, а любовницей и Викторией назвалась из конспирации...

– Не усложняй! – недовольно заметил Гуров. – Если верить тебе, это просто шпионский роман получается! Не забудь – ты ведь еще считаешь, что эта женщина встречалась с тобой у памятника Маяковскому! Инкогнито, в парике... Выходит, без конспирации она и шагу ступить не могла?

– А кто знает? – глубокомысленно сказал Крячко. – Еще неизвестно, из какого ведомства ее генерал!

– Неизвестно, – согласился Гуров. – Девчонки из магазина с трудом разобрались в его погонах – какое уж там ведомство! Нужно будет самим искать...

– Самим! – округлил глаза Крячко. – Ты вообще представляешь себе, сколько в Москве генералов?! Иногда мне кажется, что даже больше, чем полковников.

– Наш генерал единственный в своем роде, – напомнил Гуров. – У него вчера жену убили.

Крячко поскреб пятерней в затылке и сказал:

– Вот вообще странно, да? Жену убили, а он даже не встрепенулся! Почему его нет в моем списке? Может быть, все-таки не жена, а любовница?

– Все может быть, – согласился Гуров. – Учитывая это странное молчание, я вполне допускаю даже, что сам генерал как-то причастен к убийству. А что? Обычные дела. Старый как мир мотив – «кровь-любовь»... Между прочим, эксперты определили, что на поляне в момент убийства находился человек в камуфляже и армейских ботинках, да вдобавок еще одна женщина. Они нашли следы женских туфель рядом с трупом.

– Женщина? Тогда это ревность! – авторитетно заявил Крячко. – Тогда и думать нечего – эта Виктория была любовницей генерала. А та, что в туфлях, как раз была его женой. Прознав про шашни мужа, она наняла крепкого парня – возможно, воина-контрактника...

– Своего любовника, надо понимать? – заинтересованно спросил Гуров. – Ты, брат, по моему, сериалов посмотрелся!

– А то ты не знаешь, что большинство убийств случается между родственниками! – сказал Крячко. – Статистика!

– Это кто же тут у нас родственники? – прищурился Гуров. – Что-то я никак в толк не возьму!

– Жена и любовница! – ответил Крячко. – Чем не родственники? Ты не на бумажку смотри, а смотри в корень. Объективно смотри! А объективно получается, что жена и любовница – самые что ни на есть родственницы!

– Допустим, – сказал Гуров. – Но не настолько же близкие, чтобы расхаживать ночью по лесам! Да еще в компании контрактника с острым ножом. Что-то тут не так!

– Да я и сам думаю, что не все сходится, – признался Крячко. – Зачем убийце понадобился Лосиный остров – понятно. Он нас за дураков держит. А вот зачем туда с ним отправилась жертва – не на пикник же?

– Одним словом, нужно искать того, кто видел Викторину накануне убийства, – заключил Гуров. – Генерал-майора нужно искать. Любовник он там или муж – не важно. Хотя, если любовник, найти его будет очень непросто.

– Грубо говоря, нужен список всех генералов, – скептически заметил Крячко. – Желательно с фотографиями. У этого хоть какие-нибудь особые приметы имеются?

– Белый «Мерседес» у него, – ответил Гуров. – И лицо суровое, как у председателя трибунала. Устраивает?

– Я генералов с добрым лицом что-то и не припомню, – сказал Крячко. – Вот «Мерседес» – это уже кое-что. Можно через ГИБДД справки навести. Конечно, генералы в своей массе не на «Запорожцах» раскатывают, но все-таки круг поисков несколько сузится.

– Может, и сузится, – сказал Гуров. – Если только этот «Мерседес» не служебный. Чем тебе тогда помогут в ГИБДД? Откуда они знают, кто там в штабах на «Мерседесах» катается? Все равно придется в Министерство обороны обращаться.

– Вот пускай Петр и обратится, – невозмутимо заметил Крячко. – Он сам генерал, ему и карты в руки.

– Мы с тобой Петру еще доказать должны, чем это дело пахнет – какими яблоками с перцем, – сказал Гуров. – Кстати, в магазине подтвердили, что Виктория предпочитала похожие запахи. Во всяком случае, не опровергли... Обещал привести тебя – на дегустацию... Но вот сумеем ли мы убедить Петра, я лично не очень уверен. Например, следователя Мышкина несколько не взволновало сообщение экспертов о следах неизвестной женщины...

– Ну это-то, как ты говоришь, по-человечески понятно, – заявил Крячко. – Городская прокуратура спит и видит, как она скручивает «сезонного убийцу», успокаивает общественное мнение и получает повышения по службе... Любые неясности на этом пути трактуются всего лишь как досадная помеха. Или наоборот – каждое лыко в строку. Камуфляж? Отлично, значит, «сезонный убийца» расхаживает в камуфляже. Женские следы? Возможно, у него есть сообщница. Душил уже мертвую? Начались какие-то психологические сдвиги. Мышкина пресса до сих пор регулярно честит за то, что он не нашел «сезонного убийцу», и ему это неприятно. Ведь прессу читает начальство, а ему еще более неприятно. Про Толубеева в газетах вспоминают редко, но зато досаду на нем срывает Мышкин. И в этой ситуации ты хочешь убедить их, что «сезонный убийца» здесь ни при чем?..

– Да не их я хочу убедить, а Петра! – возразил Гуров. – Что, впрочем, тоже представляется мне задачей не из простых. Он сам генерал и вряд ли захочет тревожить генералов без веских на то оснований. А у нас, надо признать, основания пока далеко не веские.

– Может, соврать чего-нибудь? – неожиданно предложил Крячко. – Что-нибудь покруче, а? Для пользы дела? Например, что поблизости от места убийства свидетели видели белый «Мерседес» с генерал-майором внутри...

– Ага, и сообщили об этом только тебе, поскольку испытывали к тебе особую симпатию, – язвительно сказал Гуров. – Петр тоже не вчера родился. Он тебя сразу раскусит.

– А тебя, глядишь, не раскусит, – спокойно заметил Крячко. – У нас ведь нет другого выхода. Никто нам с тобой никакого списка генералов не даст.

– Не даст, это верно, – согласился Гуров. – Тем более с приложением – жены там, любовницы... Короче говоря, надо Петра в оборот брать. Но одновременно твою идею насчет «Мерседеса» проверить. Чем черт не шутит – вдруг опять повезет? На всякий случай имей в виду, что «Мерседес» у него не самой последней модели... Конкретнее ничего сказать не могу, к сожалению.

– Неужели такая развалюха, как у меня? – ухмыльнулся Крячко.

– Не думаю, – сказал Гуров. – Девчата сообщили, что выглядит он еще вполне прилично.

– Тогда заметано, – с энтузиазмом подхватил Крячко. – Ты завтра с утра убеждаешь нашего генерала, а я занимаюсь белым «Мерседесом» ненашего генерала. Одновременно я рекомендую Толубееву обратить пристальное внимание на вещественные доказательства, собранные криминалистами. В конце концов, его дело – объясняться по этому поводу с руководителем следственной группы. Я все-таки слишком важная птица.

– Надо добиваться, чтобы это дело выделили в отдельное производство, – сказал Гуров. – Но пока я не вижу для этого реальных возможностей. Даже если мы найдем генерала, вопрос о «сезонном убийце» с повестки дня сразу не снимут. Надо будет еще обнаружить у этого генерала скелет в шкафу.

- Думаешь, он у него есть? – с интересом спросил Крячко.
- У всех он есть, – мрачно констатировал Гуров. – А у тех, у кого убивают жен или любовниц, особенно.

Глава 8

– Я знаю одного генерал-майора, у которого «Мерседес», – неожиданно сказала Мария. – Именно белый. Может быть, это как раз тот, что тебе нужен?

От неожиданности Гуров чуть не перепутал педаль тормоза с педалью газа, но все-таки в последний момент сумел с собой справиться и, как положено, остановил машину на красный сигнал светофора.

– Надо предупреждать! – жалобно пробормотал он. – Я уже немолодой человек. Мне сильные чувства вредны.

В салоне «Пежо» влажно пахло розами. В свете ночных фонарей тонкое лицо Марии казалось усталым и бледным. Однако в ее темных глазах угадывался огонек удовлетворения. Сегодняшний спектакль имел бешеный успех. Настолько бешеный, что по окончании его некий новоиспеченный театрал – то ли из магнатов, то ли из олигархов – прорвался за кулисы и пригласил всю труппу на банкет, ради которого намеревался снять ресторан в Москве или в любой другой точке земного шара – по желанию актеров. Гурову стоило немалого труда увести собственную жену из-под носа этого неожиданного поклонника Мельпомены. И теперь они ехали домой, усталые, как говорится, но довольные. Впрочем, насчет жены Гуров не был до конца уверен – он вполне допускал, что она, как натура артистичная, не отказалась бы сейчас разделить торжество со своими коллегами на роскошном банкете, и, отказавшись от него, просто делала уступку своему строгому и патриархальному супругу. Поэтому, чувствуя свою некоторую вину, Гуров по дороге пытался отвлечь Марию разговорами, поведав ей о таинственном генерале. Правда, до поры он опустил ту часть повествования, которая касалась печальной участи генеральской подруги, – не хотел портить жене настроение.

Ее слова о том, что она знает такого генерала, поразили Гурова. Конечно, в самом этом факте не было ничего необычного. В конце концов, в наше время и «Мерседесов», и генералов – хоть пруд пруди. Но все-таки совпадение было слишком симптоматичным.

Боясь спугнуть удачу, Гуров не сразу продолжил разговор. Во-первых, он тщательно разобрался с рычагами управления, свернул на перекрестке в тихий переулок, проехал еще метров пятьдесят и наконец спросил:

– Ты не пошутила насчет генерала?

Мария с веселым недоумением посмотрела на него.

– У тебя странное представление о шутках, – сказала она. – Лично я, хоть убей, не понимаю, какой комический эффект можно извлечь из моих слов. Ведь сегодня даже не первое апреля.

– Гм, и он действительно генерал-майор? – недоверчиво проговорил Гуров.

– А «Мерседес» его действительно белый? – передразнила Мария и, тихо рассмеявшись, сказала: – Похоже, тебя очень интересует этот генерал, милый?

– Ты даже не представляешь, как сильно он меня интересует, – с жаром сказал Гуров. – Весь вопрос только – об одном и том же генерале мы говорим?

– Тебе судить, – улыбнулась Мария. – Честно говоря, я немного прихвастнула. Этого генерала я лично не знала. Просто у него был роман с одной нашей актрисой. Так себе актрисочка – вечно была даже не на вторых, а на третьих ролях, и ничто не обещало, что положение может когда-нибудь измениться к лучшему. Зато в личной жизни ей удалось добиться гораздо большего. Выйти замуж за генерала – это тебе не генеральш на подмостках играть!

– Постой-постой, – пробормотал Гуров, настораживаясь. – Так твоя актрисочка вышла за этого генерала?

– Да, около года назад, – сказала Мария. – И сразу оставила театр. Да я, по-моему, рассказывала тебе об этом. Напряги свою профессиональную память!

– Да, теперь что-то припоминаю, – произнес Гуров. – Но очень смутно. Ты не будешь так любезна напомнить еще разок? Как звали эту актрису?

– Когда меня так вежливо просят, я не могу отказать, – ответила Мария. – Актрису звали Виктория Преображенская. Хорошая театральная фамилия – представляешь, как она смотрелась бы на афишах?

– Не имя красит человека, – ошеломленно пробормотал Гуров. Он почувствовал, как по спине у него побежали мурашки. – А ты точно знаешь, что ее звали Викторией?

Мария уставилась на него как на привидение и сказала:

– С тобой все в порядке, Гуров?

– Ну, более-менее, – ответил Гуров. – А что такое?

– Во-первых, ты проехал мимо дома. А во-вторых, ты всерьез уверен, что я могу путать имена тех, с кем я работала? Мне кажется, я еще не настолько стара. И память у меня, кстати, тоже профессиональная!

– Это верно, я как-то сразу не сообразил, – смущенно сказал Гуров, сдавая автомобиль задом к дому, который он действительно сгоряча проехал. – Но я должен быть уверен на сто процентов, понимаешь?

– Можешь считать, что свои сто процентов ты получил! – твердо сказала Мария. – И если не возражаешь, давай продолжим этот разговор дома, пока ты не врезался куда-нибудь или не бросил по рассеянности спичку в бензобак. Ты как-то странно выглядишь.

Гуров наконец благополучно затормозил напротив собственного подъезда и с облегчением заглушил мотор.

– Ты преувеличиваешь, – устало сказал он. – Я действительно немного не в своей тарелке. Но бросать спички в бензобак! Такое могла придумать только актриса. Во-первых, ты знаешь, как редко я курю, а во-вторых, я пользуюсь в таких случаях зажигалкой. И вообще, как можно бросить спичку в бензобак?! Это абсурд!

– Тебя так расстроила эта спичка? – сочувственно проговорила Мария. – Ну что ж, беру спичку обратно. Просто я намеренно сгустила краски, чтобы ты полностью сосредоточился на управлении автомобилем. В итоге ты блестяще с этим справился. Теперь, когда машина остановилась, можешь делать и говорить что угодно – теперь не страшно.

Гуров хмыкнул, выбрался из автомобиля, обошел его и открыл дверцу перед Марией.

– Прошу! – шутливо поклонился он. – Если ты проявишь немного терпения, я захвачу букеты и даже смогу усыпать твой путь розами.

– Не надо, – в тон ему сказала Мария. – Соседи потом будут жаловаться, что мы мусорим на лестничной клетке. Пусть осыпаются дома. Обожаю аромат роз...

– А твоя Виктория, кажется, обожала запах фруктов? – спросил Гуров, когда они с Марией поднимались по лестнице. – Я имею в виду парфюмерию.

– Фруктов? – переспросила Мария. – Гм, откровенно говоря, ты поставил меня в тупик. Наверное, я слишком мало обращала на нее внимания – эта деталь ее личной жизни от меня точно ускользнула. А это так важно?

– Нет, наверное, – сказал Гуров. – Гораздо важнее, могла ли знать Виктория Преображенская о моем существовании, моей профессии и о моем служебном телефоне?

– Гуров, ты меня все больше интригуешь, – заметила Мария. – Фигура этой актрисы вырастает в моем воображении до олимпийских размеров. Любопытно, что эта парочка могла такого сделать, чтобы так заинтересовать прославленного сыщика?.. Оба казались мне довольно заурядными экземплярами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.